

© 1993 г.

**Е.В. ДЕРЕВЯНКО**

**МАНИФЕСТ ВНЕПАРТИЙНОСТИ,  
ИЛИ НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ**

---

*ДЕРЕВЯНКО Екатерина Вадимовна — кандидат социологических наук. Неоднократно печаталась в нашем журнале.*

---

Испанский философ-социолог Хосе Ортега-и-Гассет продолжает все больше и больше заинтересовывать нашего отечественного читателя. Не потому ли, что он философ и социолог кризиса? Отчасти поэтому, отчасти — потому, что его панорамный взгляд — словно оставленная в наследство подзорная труба: приинкни глазом, и многое из того, что казалось хаосом, предстанет твоему взору спокойно-понятным. Лукавый ветер времени пролистал страницы рукописи назад: «Не быть членом партии» датируется 1930 годом. Аргентинское издание «Ла Насьон». Статья опубликована через год после того, как испанский мыслитель, во второй раз посетив Буэнос-Айрес, вновь вернулся в Мадрид. Именно на момент написания этой работы приходится эволюционная трансформация философа: психологизм и антропоцентризм все больше уступают место рациовитализму, или концепции жизненного разума, которая потом и закрепится за ним в качестве определяющей его творческого наследия. Витальный разум — разум исторический: его функция — истолкование той драмы, в которой живет человек. Это, коротко говоря, Судьботворчество. В 1933 г. в работе «Возвращаясь к Галилею» он напишет такие знаменательные слова: «Каждый является героем своей собственной жизни без права передачи» [1]. По работе, которая предлагается вниманию читателя сейчас, с удивительной четкостью можно проследить эволюционный переход. Строго говоря, это две статьи под одним общим названием: первая часть, скорее, психологически-метафизична, она объясняет психологию примыкания человека к той или иной партии; вторая носит вполне оформленный историко-социологический характер, кратко, но достаточно резко и убедительно восстанавливая историю возникновения феномена партпринадлежности и выявляя роль партий в обществе, в государстве.

Думается, что Ортегой двигала некая идея, которую можно было бы назвать телеологической или провиденциалистской; во всяком случае, призванность и долженствование в исполнении своей миссии играли для него роль своеобразной религии. Ортега, как известно, ревностным католиком не являлся, склоняясь больше к ведическому знанию, но, тем не менее, именно национальные традиции и устои сформировали его вполне выраженным мировоззренческим консерватором и, естественно, искренним патриотом. Обладая общественным авторитетом, Ортега в тридцатом году был достаточно видной фигурой. Тридцатый год — канун Республики. Что означает для видной личности упорное сохранение нейтралитета в то время, как общество неумолимо растаскивается центробежными силами, не требует особого комментария: на Ортегу-и-Гассета обрушились со всех сторон: справа, слева, из центра... оставалось одно—произнести для себя навсегда, как заклинание: «над схваткой». Но долго в невесомости не пребудешь, и, как известно, уже в 1936 г. Ортега был вынужден бежать с семьей из родной Испании. Потом он вернется и найдет в себе силы, чтобы снова служить обществу и родине. Категорическое

нежелание укладываться в прокрустово ложе, с чьей бы стороны такое предложение ни поступило, стоило ему не только изгнания, но и идеологического одиночества за границей. Сложилось же столь непоколебимое ортегианское отношение к партиям и партийной принадлежности, по-видимому, из многих факторов. Как отмечают практически все его биографы, Ортега-и-Гассет был чрезвычайно независим в своих решениях и суждениях с довольно раннего возраста; в отрочестве и юности это даже проявлялось как особая боязнь неотвратимой зависимости-повинности. Однако этого мало: всестороннее образование сцементировало его врожденную пронизательность, и острый «социальный глаз», не пропускавший ни одной детали из разворачивающихся вокруг «обстоятельств», практически сразу привел Ортегу к такому несовременному воздержанию. А если отмечать что-то конкретно, то по поводу социалистической партии он повторял одно и то же: если такая партия становится в стране единственной, это грозит вторжением извне, поскольку эти партии, как правило, носят международный характер; в связи с этим он допускал ее право на существование только при условии существования в стране других сильных национальных партий [2].

Допускал объективно, ибо сам вступать никуда не собирался. Обратимся к его статье, к первой ее части. Ортега-и-Гассет ухватил в человеке его сокровеннейшую струну: сказать ли «да» или «нет» своей Судьбе, когда она, подобно знаменитым бетховенским аккордам, властно постучится в дверь. Открыть, впустить — или трусливо затаиться, отрешившись ныне и навсегда от нее — единственной своей Судьбы, увидев на ее путях нечто устрашающее или чрезмерно тягостное?.. Священник и поэт Хуан Салинас де Кастро, соотечественник Ортеги, живший тремя столетиями ранее, в одной из своих эпиграмм блестяще сформулировал абсурдность отказа от своей Судьбы:

Увидев солдат наступающий строй,  
Лишил себя жизни испуганный Клего.  
Позволю спросить: не безумие ль это —  
Спасаясь от смерти, покончить с собой? [3]

... Фатализм древних повествует весьма поучительно о последствиях бегства от своей Судьбы на примере Эдипа, бежавшего в ужасе от предсказанного и прямехонько угодившего в его объятия...

Оказывается, это чрезвычайно трудная, для многих непосильная задача: делать то и жить так, как «на роду написано». Иван Александрович Ильин, который во многом высказывался почти слово в слово с Ортегой-и-Гассетом, и по поводу партийности излагает сходные мысли. (Даже сам образ «пассажиризма» возникает у них независимо друг от друга синхронно: только у Ортеги это автобус, а у Ильина — традиционная русская тройка [4]. Но в любом случае рассматриваемый тип человека — это вечный пассажир, он не двигается сам, не идет сам, его везут, и он полностью зависим от водителя, от норовистых коней, от того, в конце концов, кто задал маршрут.) Вот как характеризует эту проблему Иван Александрович Ильин: «...партийность дает народу возможность обходиться без самостоятельно-мыслящих людей и "голосовать", не зная, не понимая и не думая» [5]. И далее: «...партийность может оказаться нужна, как компромисс или условно целесообразная, но в высшей степени опасная форма организации народно-политического мнения» [Там же].

Безусловно, не из личных своих характеристических черт выводят философы, социологи, праведы опасность или нецелесообразность определенных социальных явлений. Мыслители-аналитики, они предвидят последствия и всегда помнят о том, что история повторяется. Провозглашение обязательной партпринадлежности означает а н о м а л и ю, об этом Ортега постоянно повторяет во второй части работы, перейдя от психологии примыкания к роли партии в обществе. Вспомним, что значит «партия»: по-латыни это «часть» (pars). Можно ли считать, действительно, нормальным, когда на политическую власть посягает лишь часть — народа, общества, представительных органов? Ильин — государствовед, он говорит об органичном и очевидном: о единении. Об этом же говорит Ортега, поднимая историю вопроса от объединения греческих полисов в связи со становлением государства. Для древних греков гражданская война, таким образом, была аномалией. Партии же «усиливают государственные раздоры и в сущности готовят гражданскую

войну». [6], предупреждает Ильин. Высказывания Ортеги, в свою очередь, подтверждают предыдущий тезис Ильина, разворачивая историю все того же вопроса: о том, что общество, расколотое на партии, должно сражаться внутри себя. Выходит, то, что древние греки считали аномалией, для нас — вполне обычная реалья. Что ж, меняются времена, меняются нравы.

«...Позволю спросить, не безумие ль это?»...

Оказывается, иногда это не является безумием, если действовать по принципу: «Мы исповедуем не то, что проповедуем». Ортега иронически блестяще заканчивает свою статью пассажем о Карле Марксе, который добился для себя освобождения от «определения сознания бытием».

Но как тревожны в наши дни слова православного монархиста Ильина и «аристократического идеалиста» Ортеги-и-Гассета [7] об отказе подавляющего большинства людей мыслить и действовать самостоятельно, принимая чужой идеологический трафарет, все более и более теряя свое «я», свое правосознание, свою Судьбу — личную и общую. Время вспомнить, что за проезд в чужих санях рано или поздно приходится расплачиваться.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Ortega y Gasset J. Obras completes*. Т. I—XI. Madrid: Revista de occidente, 1947. Т. V. P. 13.
2. *Ortega M. Ortega y Gasset, mi padre*. Barcelona: Editorial Planeta, 1983. P. 106—107.
3. Испанская классическая эпиграмма / Пер. с исп. В. Васильева. М.: Худож. лит., 1970. С. 44.
4. *Ильин ИЛ. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов*. В 2-х т. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992. С. 204.
5. Там же. Т. 2. С. 35.
6. Там же. Т. 2. С. 38.
7. Подробнее см.: *Деревянко Е.В. Неизбежность аристократического духа // Социол. исслед.* 1992. № 6; *Консерватизм в России («круглый стол») // Там же.* 1993. № 1.